

Научная статья

УДК 347.51

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).595-607

EDN ZMXKTK

Доказывание страданий человека при компенсации морального вреда

Елена Михайловна Подрабинок

Уральский филиал Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия; Отделение «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

podrabinok@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1803-2970>

Андрей Алексеевич Павлов

Отделение «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; АО «Лаборатория Исполком», Москва, Россия

ask@ispolcom.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3448-751>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются обстоятельства, подлежащие доказыванию при рассмотрении гражданских дел по искам о компенсации морального вреда. Несмотря на соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, в судебной практике по-прежнему возникают вопросы о порядке доказывания таких обстоятельств, как заболевание, физическая боль, ограничение возможности передвижения, неблагоприятные ощущения, болезненные симптомы, нравственные страдания. В случаях, когда причинение вреда повлекло за собой возникновение заболевания, предлагается исходить из презумпции наличия негативных последствий для потерпевшего, которые, тем не менее, могут быть опровергнуты ответчиком. В частности, при объективно подтвержденном повреждении организма, в том числе в результате воздействия причинителя вреда, боль и сопутствующие заболеванию негативные последствия не требуют дополнительного доказывания. Однако при неverified боли или неverified страданиях, носящих преимущественно психологический характер, авторами статьи предлагается исходить из необходимости дополнительного, помимо объяснения истца, доказывания оснований их возникновения и тяжести наступивших последствий. При этом целесообразно использовать стандарт доказывания «баланса вероятностей» и обращать внимание на конкретные негативные последствия. В случаях, когда потерпевшим в суд представлены медицинские документы, основанные лишь на его собственных пояснениях, такие документы не могут трансформировать объяснения истца в категорию письменного доказательства. В свою очередь, для установления психологических последствий причиненного вреда необходимо использовать сведения, полученные от лиц, имеющих специальные познания в психологии. Истцу следует предоставлять суду заключения специалиста, а суду рассматривать возможность назначения экспертизы по таким делам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

охрана и защита личных неимущественных прав, медицинское право, доказывание физических и нравственных страданий, доказывание морального вреда, компенсация морального вреда

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Подрабинок Е.М. Доказывание страданий человека при компенсации морального вреда / Е.М. Подрабинок, А.А. Павлов. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).595-607. — EDN ZMXKTK // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 595–607.

Original article

Proving human suffering in compensation for moral damage

Elena M. Podrabinok

Ural branch of the Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia; Department "Higher School of Law" of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
podrabinok@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1803-2970>

Andrey A. Pavlov

Department "Higher School of Law" of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; AO "Ispolcom Lab", Moscow, Russia
ask@ispolcom.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3448-751>

ABSTRACT

The article analyzes the circumstances subject to proof when considering civil cases on claims for compensation for moral damage. Despite the clarifications given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, questions arise in judicial practice about the procedure for proving such circumstances as illness, physical pain, limited mobility, adverse sensations, painful symptoms, and moral suffering. Thus, in cases where harm has resulted in the occurrence of a disease, it is proposed to proceed from the presumption of the presence of negative consequences for the victim, which, nevertheless, can be refuted by the defendant. In particular, with objectively confirmed damage to the body, including as a result of the impact of the perpetrator of the harm, pain and negative consequences associated with the disease do not require additional proof. However, in the case of unverifiable pain or unverifiable suffering, which are primarily psychological in nature, it is proposed to proceed from the need for additional, in addition to the plaintiff's explanation, proof of the grounds for their occurrence and the severity of the consequences. In this case, it is advisable to use the «balance of probabilities» standard of proof and pay attention to specific negative consequences. In cases where the victim presents medical documents to the court based only on his own explanations, such documents cannot transform the plaintiff's explanations into the category of written evidence. In turn, to establish the psychological consequences of the harm caused, it is necessary to use persons with special knowledge in psychology. The plaintiff should present the court with the expert's opinion, and the court should consider the possibility of appointing an expert in such cases.

KEYWORDS

protection and defense of personal non-property rights, medical law, proving physical and moral sufferings, proving moral damage, compensation for moral damage

FOR CITATION

Podrabinok E.M., Pavlov A.A. Proving human suffering in compensation for moral damage. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(4):595–607. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(4).595-607. EDN: ZMXKTK.

Введение

Гражданско-правовые исследования общественных отношений, возникающих по поводу нематериальных благ, привлекают внимание ученых многих поколений. В частности, указанному вопросу посвятили свои работы М.М. Агарков, О.С. Иоффе, Е.А. Флейшиц, Н.С. Малеин, А.М. Эрделевский и др. [1–3].

Однако общественные личные неимущественные отношения все усложняются, современный анализ должен соответствовать новым вызовам. В целях выработки рекомендаций для эффективного правового регулирования исследователям личных неимущественных отношений следует проводить межотраслевой анализ и обра-

щаться не только к материальному, но и к процессуальному законодательству¹ [4; 5].

Устанавливая обеспечение восстановления нарушенных прав в качестве принципа и одного из основных начал гражданского законодательства (статья 1), Гражданский кодекс Российской

¹ Важность междисциплинарных исследований была отмечена во вступительной речи Президента Российской Федерации на заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию, где было указано, что «...важнейшим направлением деятельности академических институтов должны стать междисциплинарные исследования...». Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию : 8 дек. 2014 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/47196> (дата обращения: 20.09.2024).

Федерации² (далее — ГК РФ) предусматривает компенсацию морального вреда в числе прочих способов защиты гражданских прав (статья 12 ГК РФ). Вместе с тем компенсаторные механизмы гражданского права не предполагают возможности полагаться лишь на заявление потерпевшего о факте и существовании причиненного ему морального вреда, в том числе и ввиду значительного в таком случае риска недобросовестности его поведения, влекущего по общему правилу отказ в защите такого права (подпункты 1, 2 статьи 10 ГК РФ).

Иски о компенсации морального вреда составляют значительную часть судебной практики. При этом вопросы доказывания тесно переплетаются с нормами процессуального законодательства. Традиционно расчет размера компенсации морального вреда представляет интерес и с точки зрения доказывания оснований для компенсации, и с точки зрения доказывания размера взыскиваемой суммы.

Основная часть

Основанием для удовлетворения иска о компенсации морального вреда по системе генерального деликта является совокупность условий: 1) причинение физических или нравственных страданий (статья 151 ГК РФ); 2) противоправность поведения причинителя вреда, 3) причинно-следственная связь между наступившими страданиями и поведением причинителя вреда; 4) вина причинителя вреда (по общему правилу).

Сложность установления факта причинения физических или нравственных страданий заключается как в отсутствии однозначного понимания, что они собой представляют (как могут быть определены), так и в несформированном на настоящий момент аппарате доказывания наличия и степени таких страданий.

При этом стоит отметить, что даже сам термин «моральный вред» до настоящего времени однозначно не определен; достаточно много исследователей считают его использование неудачным, что связано, в первую очередь, с тонкой гранью между вредом моральным и физическим с точки зрения причинения вреда физическому состоянию организма. Например, М.Н. Малеина со ссылкой на правоприменительную практику, в которой используется термин «моральный вред» как синоним неимущественному вреду, считает более обоснованным для целей защиты гражданских прав также использовать понятие

«неимущественный вред», понимая под ним как моральный, так и физический вред, причиненный гражданину [6]. Схожий подход высказан О.Н. Ермоловой и А.В. Трофименко: моральный вред представляет собой вред неимущественного характера, который причинен действиями в нарушение личных неимущественных прав гражданина либо посягает на иные нематериальные блага [7].

Более узкое понимание предлагает А.М. Эрделевский [8], который говорит о необходимости выделять «психический вред», который представляет собой «негативные изменения в состоянии психического благополучия», и «органический вред», являющийся негативным изменением в организме человека. Аналогично только в качестве нравственных страданий рассматривает моральный вред А.А. Власов, указывая, что может иметь место нравственный вред, связанный и не связанный с физическими страданиями [9]. К «негативному эмоциональному состоянию» также сводят моральный вред и иные авторы [10].

Вместе с тем узкое понимание (сужение) морального вреда только до психических (нравственных) страданий очевидно усложняет доказывание его наличия ввиду сложности определения внешнего выражения, каковыми, например, являются именно физические страдания (в частности, болевой синдром, о чем речь пойдет далее). Заслуживающей внимания представляется позиция Н.В. Кузнецовой, которая хотя и указывает на то, что термин «моральный вред» не совсем удачен (предлагает использовать «неимущественный вред»), но не приветствует выделение самостоятельных категорий «вред физический» и «вред психический» в силу единых принципов возмещения психических переживаний и физических страданий [11, с. 11].

Законодатель пошел по пути определения морального вреда в более широком смысле — через установление того, какие претерпеваемые физическим лицом состояния являются моральным вредом, — физические или нравственные страдания.

Относительно установления обстоятельств наличия морального вреда и степени страданий в ходе правоприменения. При доказывании в суде факта причинения морального вреда в виде страданий человека возникает вопрос о том, какими методами и способами возможно доказывание «испытывания» потерпевшим страданий. Имущественный, материальный вред можно рассчитать и доказать документами, подтверждающими расходы, которые лицо понесло или должно

² Гражданский кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

будет понести для восстановления своего права, либо стоимостью утраченного или поврежденного имущества, либо через доходы, которые бы лицо получило, если бы его право не было нарушено (статья 15 ГК РФ). В отличие от материального вреда, доказать факт «испытывания» человеком морального вреда и рассчитать размер его компенсации, как правило, представляется затруднительным, поскольку необходимо использование **других** приемов, способов, средств, с помощью которых возможно определение наличия страданий, а также степень таких страданий.

При этом, как справедливо отмечает В.Н. Коваль, отсутствуют даже примерные ориентиры для определения того, какие фактические обстоятельства способствовали страданию. Это приводит к тому, что как стороны, так и суд стараются связать размер компенсации морального вреда с имущественным вредом, что приводит к занижению размера взыскиваемого морального вреда [12].

Проблема процессуального доказывания юридического факта «испытывания» лицом физических или нравственных страданий видится в том, что юристы, как правило, не владеют специальными познаниями в сфере медицины. Обращение к медицинским методам исследования продиктовано здесь целью уяснения сущности нематериальных благ, связанных с психическим и физическим здоровьем человека, получения юридически достоверных знаний о них. При этом судебная практика исходит из того, что именно на истце лежит обязанность доказать как сам факт страданий, так и их степень.

Как указано в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»³ (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 33) потерпевший, истец по делу о компенсации морального вреда, должен доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

Более подробно такая позиция изложена в конкретных судебных актах. Например, в Апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Ингушетия⁴ суд указал, что с учетом общего

«правила о возложении бремени доказывания, именно истец должен доказать причинение вреда при определенных обстоятельствах конкретным лицом, степень физических и нравственных страданий, претерпеваемых им, указав, в чем они выражаются, причинно-следственную связь между причинением вреда и наступившими физическими или нравственными страданиями, обосновать размер компенсации вреда». Аналогично по смыслу Определения Верховного Суда РФ⁵ по делам о взыскании морального вреда в связи с некачественным оказанием медицинских услуг истец обязан доказывать факт своих страданий.

Такие же выводы о том, что факт причинения страданий не презюмируется, но доказывается потерпевшим, на основании действующего законодательства сделаны М. Новоселовой и Т.В. Семиной [13; 14].

Итак, какими же способами возможно доказывание «испытывания» лицом морального вреда? В законодательстве закреплено достаточно лаконичное определение «морального вреда» как физических или нравственных страданий (статья 151 ГК РФ). При этом легальных определений понятий «физические страдания» и «нравственные страдания» в законодательстве не содержится.

В Постановлении Пленума ВС РФ № 33 раскрывается их суть через перечисление проявлений примеров и физических, и нравственных страданий.

В пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33 указывается четыре разновидности **физических страданий**: заболевание; физическая боль; ограничение возможности передвижения; неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы. Думается, целесообразно рассмотреть перечисленные проявления страданий последовательно с целью получить юридически достоверное знание о них, а также о способах их доказывания.

1. В качестве разновидности физических страданий в пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33 рассматривается **заболевание**. В действующем законодательстве содержится его легальное определение: «заболевание — это возникающее в связи с воздействием патогенных факторов нарушение деятельности организма, работоспособности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспо-

³ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2022 г. № 33 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Ингушетия от 28 декабря 2023 г. по делу №33-1594/2023. URL: <https://судбынерешения.рф/78975170> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ Определение Верховного Суда РФ № 74-КГ19-5 от 24 июня 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

сбительных реакций и механизмов организма» (подпункт 16 статьи 1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») ⁶ (далее – Федеральный закон об основах охраны здоровья граждан). При этом заболевания делятся на основные и сопутствующие ⁷.

Думается, для целей доказывания причиненного в виде физических страданий морального вреда, и определения его размера, деление заболеваний на эти группы представляется имеющим большое значение, поскольку определение размера компенсации должно зависеть от квалификации заболевания как основного или сопутствующего.

В связи с этим возникает вопрос о том, какими методами, способами и средствами возможно доказывание наличия заболевания и его вид. Очевидно, что доказывание наличия основного или сопутствующего заболевания осуществляется предоставлением документа, подтверждающего данное заболевание. Выдача такого документа осуществляется обладающим специальными знаниями в сфере медицины специалистом с использованием разных методик диагностики. Диагностика представляет собой «комплекс медицинских вмешательств, направленных на распознавание состояний или установление факта наличия либо отсутствия заболеваний, осуществляемых посредством сбора и анализа жалоб пациента, данных его анамнеза и осмотра, проведения лабораторных, инструментальных, патологоанатомических и иных исследований в целях определения диагноза, выбора мероприятий по лечению пациента и (или) контроля за осуществлением этих мероприятий» (пункт 23 статьи 2 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан).

При доказывании наличия основного или сопутствующего заболевания не представляется возможным применение юридических презумпций. Размер компенсации морального вреда в рассматриваемом случае будет зависеть от тяжести заболевания или состояния – критерия, определяющего степень поражения ор-

ганов и (или) систем организма человека либо нарушения их функций, обусловленных заболеванием или состоянием либо их осложнением (подпункт 20 статьи 1 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан).

Представляется, что размер компенсации морального вреда при наличии заболевания должен зависеть от «испытывания» человеком болевого синдрома, вызванного данным заболеванием. Если заболевание сопряжено с «испытыванием» физической боли, то основанием для расчета размера компенсации морального вреда будет также страдание, вызванное физической болью гражданина. Если же при наличии установленного заболевания гражданин испытывает не болевой синдром, а лишь неудобство, дискомфорт, то основанием для расчета размера компенсации морального вреда будут дополнительно нравственные страдания, связанные с невозможностью вести активную социальную жизнь (которые являются самостоятельным основанием для предъявления требования о компенсации морального вреда (пункт 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33).

2. Самостоятельной разновидностью физических страданий является вызванная повреждением здоровья **физическая боль** (пункт 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33).

Независимо от того, возможна ли квалификация вызвавшего боль повреждения здоровья в качестве заболевания, ее наличие и интенсивность должны быть приняты во внимание при определении размера компенсации за причиненный вред.

Легальное определение понятия «боль» не закреплено в действующем гражданском законодательстве, однако оно широко используется в научной лексике.

В свою очередь, к примеру, Уголовный кодекс Российской Федерации ⁸ (далее – УК РФ), устанавливая ответственность за наиболее опасные преступления против личности, для тяжких и особо тяжких преступлений предусматривает в качестве квалифицирующих признаков «*мучения потерпевшего*» (статья 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», статья 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), «*страдания*» (статья 117 УК РФ «Истязание»), тогда как испытываемая человеком боль допускается в качестве элемента лишь одного состава преступления – «Побои» (статья 116 УК РФ), нанесение побоев

⁶ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁷ Основное заболевание – заболевание, которое само по себе или в связи с осложнениями вызывает первоочередную необходимость оказания медицинской помощи в связи с наибольшей угрозой работоспособности, жизни и здоровью, либо приводит к инвалидности, либо становится причиной смерти; сопутствующее заболевание – заболевание, которое не имеет причинно-следственной связи с основным заболеванием, уступает ему в степени необходимости оказания медицинской помощи, влияния на работоспособность, опасности для жизни и здоровья и не является причиной смерти.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

в качестве квалифицирующего признака подвергнутым административному наказанию или ранее судимым лицом предусмотрено статьей 116.1 УК РФ. При этом побои отнесены УК РФ к делам частного или частного-публичного обвинения (в зависимости от тяжести), которые не могут быть возбуждены без заявления потерпевшего, а следовательно, наличие и характер боли должны быть описаны или доказаны им самим. Это свидетельствует о весьма осторожном подходе законодателя к установлению уголовной ответственности за причинение боли в качестве общественно опасного последствия противоправного поведения в условиях сложности установления и доказывания боли.

При этом даже в рамках рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, в котором достаточно много внимания уделяется размеру и характеру ущерба, имеются проблемы доказывания наличия морального вреда и размера его компенсации [15].

Исходя из этого, возникает вопрос о том, с помощью каких способов, приемов и средств возможно доказывание наличия у человека боли и ее степени?

Думается, что способы доказывания должны различаться в зависимости от вида повреждений здоровья человека.

«Испытывание» человеком боли имеет место при любом вторжении в телесную оболочку человека, в его физиологию, например при переломах, при оперативном вмешательстве и т.д. Однако если физическая боль вызвана не вмешательством в тело человека, а другими факторами, то определение «испытывания» боли представляется весьма затруднительным. Как, кроме устного описания гражданином, определить и доказать в суде наличие или отсутствие неverifiedируемых болей в опорно-двигательном аппарате, в желудочно-кишечном тракте и т.д.?

Ответ на поставленный вопрос следует искать в методах, применяемых в медицине, использующей термин «болевого синдром» [16]. Данный термин охватывает более широкий спектр явлений, чем просто «боль», поскольку «боль» относится к субъективному ощущению, возникающему как реакция на повреждение тканей или заболевание. В связи с этим возникает вопрос о способе доказывания ощущений человека, которые могут различаться по интенсивности, продолжительности, характеру и всегда являются индивидуальными для каждого человека.

В настоящее время существует множество инструментальных, лабораторных, клинических

методик оценки «боли» и «болевого синдрома»: использование шкал (вербальных и визуальных), регистрация биоэлектрической активности мозговой деятельности, оценка биохимических маркеров стресса в крови, слюне и т.д. Все указанные методики дают возможность сделать вывод об «испытывании» человеком боли или болевого синдрома. При этом все указанные методики базируются на интерпретации утверждений самих граждан. Например, «аналоговые шкалы боли» предполагают, что лицо самостоятельно производит ассоциацию выраженности боли либо с цветом, либо с числом, либо с длиной отрезка. В медицинской практике используются также «комплексные шкалы» для оценки выраженности болевого синдрома у людей, которые, например, не в состоянии вступить в контакт с медицинским персоналом. В них используются не столько утверждения гражданина о наличии у него боли и ее степени, а врачебная оценка комплекса клинических признаков (положение тела, активность, мимика, слезотечение, стоны, интонация голоса, цвет и влажность кожных покровов, тахикардия, гипертензия, частота и глубина дыхания и др.) [17]. Например, анализирующая поведение шкала FLACC («Face, Legs, Activity, Cry, Consolability») применяется для детей до трех лет; она учитывает и выражение лица, и движение ног, и характер плача, и способность успокоиться [18]. Преимуществом аналоговых, рейтинговых и комплексных шкал является простота для обработки, которую использует медицинские работники.

Однако с юридической точки зрения, с точки зрения доказывания в суде факта «испытывания» человеком боли, перечисленные методики имеют недостатки, поскольку имеют характер очевидной субъективности.

Все перечисленные шкалы определяют боль без учета эмоциональной составляющей и личной способности человека переносить боль, поскольку даже после небольших вмешательств гражданин может испытывать боль более интенсивную, чем она предполагается для усредненного случая. Кроме того, перечисленные шкалы не учитывают при оценке болевого синдрома индивидуальные различия, связанные с культурными и религиозными особенностями, уровнем образования, предшествующим опытом «испытывания» боли. Несмотря на очевидность «испытывания» при любой травме определенной боли перечисленные аналоговые, рейтинговые и комплексные шкалы не дают возможность достоверного определения степени ее выраженности,

а следовательно, имеют определенные пределы надежности.

Думается, что именно по этой причине действующее в медицинской практике усредненное, «презюмированное» представление о наличии и выраженности боли при различных заболеваниях является основанием для разработки стандартных схем обезболивания [17]. Эмпирические данные дают представление медицинским работникам лишь об определенной средней прогнозируемой боли, ожидаемой при стандартной манипуляции или травме. Так или иначе любое вторжение в организм человека, нарушение его целостности почти всегда будет сопровождаться болью [19]. Соответственно, факт «испытывания» боли при наличии некоторых видов травм или заболеваний необходимо просто презюмировать. Однако интенсивность болевого синдрома хотя и является сложнодоказуемой как при проведении медицинской диагностики, так и при рассмотрении гражданского дела судом, имеет важное значение для определения размера присуждаемой компенсации морального вреда.

Таким образом, на основе анализа используемых в медицине способов, приемов и средств определения наличия и степени «испытывания» человеком боли, необходимо сделать следующие выводы.

Если физическая боль вызвана вмешательством в тело человека, и это вмешательство является очевидным, то для определения оснований для компенсации морального вреда нет необходимости в доказывании «испытывания» человеком боли. Здесь должны применяться не медицинские способы определения боли, а юридическая презумпция данного обстоятельства. При решении вопроса о том, испытывает ли лицо физическую боль, и насколько эта боль сильна, следует исходить из презумпции, при которой среднестатистический гражданин обычно при определенного рода увечьях или повреждениях здоровья испытывает физическую боль. При этом при решении конкретных споров следует исходить из очевидной презумпции, что человек испытывает в той или иной степени боль, если ему причиняется увечье или иное повреждение здоровья, которые могут проявляться в нарушении телесной оболочки.

Особую же сложность вызывает установление, доказывание наличия и интенсивности неverifiedируемой боли, основанной лишь на утверждениях гражданина об «испытывании» им боли, без причинения вреда телу человека. В этом случае определение наличия или отсутствия

болевого синдрома должно устанавливаться иными средствами доказывания, поскольку отсутствует возможность применения презумпции наличия боли.

По общему правилу в соответствии с частью 2 пункта 1 статьи 55 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации⁹ (далее — ГПК РФ) в качестве доказательств в гражданском процессе допускаются объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов. Таким образом, наличие и интенсивность боли, вызванной повреждением тела потерпевшего или его заболеванием с учетом вышеописанной положительной презумпции может доказываться листком нетрудоспособности, выписным эпикризом, материалами истории болезни, сведениями о схеме и длительности лечения и назначенной медикаментозной терапией.

С точки зрения распределения бремени доказывания на основании статьи 56 ГПК РФ обязанность доказать наличие боли лежит на потерпевшем, обращающимся с иском о взыскании компенсации морального вреда.

Вместе с тем достаточные врачу для назначения симптоматического лечения объяснения пациента о наличии и степени интенсивности боли не могут сами по себе служить очевидным доказательством для присуждения компенсации судом, если такие объяснения оспариваются или ставятся под сомнение ответчиком. Предоставление медицинской документации о лечении болевого синдрома не может трансформировать такой вид доказательства, как объяснение стороны в иного качества письменное доказательство, выданное медицинской организацией или врачом.

Без сомнения, необходимость применения специальных знаний в области медицины для проверки заявляемого потерпевшим болевого синдрома может быть процессуально проверена путем назначения экспертизы (статья 79 ГПК РФ), при этом права как потерпевшего, так и ответчика будут обеспечены возможностью представить свои предложения о кандидатуре эксперта или экспертной организации и о подлежащих постановке перед экспертом вопросов. Однако методика проведения подобного исследования публично не утверждена, а вероятность того, что эксперт придет к невозможности установления или опровержения болевого синдрома, является высокой.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 137-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Вместе с тем представляет интерес, что действующее законодательство предусматривает установление особого состояния организма человека в административных и трудовых правоотношениях при подозрении на наличие алкогольного опьянения на основе клинической картины. В соответствии с Приложением № 2 к Порядку проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденному приказом Минздрава РФ¹⁰, к признакам опьянения относятся: 1) изменения психической деятельности (неадекватность поведения, заторможенность, сонливость, возбуждение, эмоциональная неустойчивость, ускорение или замедление темпа мышления); 2) изменения вегето-сосудистых реакций (бледность или покраснение кожных покровов и склер глаз, учащение или замедление дыхания, тахикардия и др.); 3) нарушения двигательной сферы.

Представляется, что указанный подход к установлению клинических признаков опьянения может быть по аналогии (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) применен к установлению клинических признаков болевого синдрома.

Несмотря на возложение бремени доказывания неверифицируемой боли на потерпевшего (истца по делу), суду сложно по результатам оценки доказательств опровергнуть объяснения стороны о наличии боли в том случае, если потерпевшим будут представлены письменные медицинские доказательства о лечении неверифицируемого болевого синдрома. Вместе с тем длительная и интенсивная боль не может не отразиться на поведении потерпевшего, качестве и образе его жизни и может быть установлена иными косвенными доказательствами.

В ходе реформы гражданского процессуального законодательства в 1995 году из статьи 14 ГПК РСФСР¹¹ было исключено указание на необходимость установления объективной истины в целях перехода к состязательному процессу. Несмотря на обширную и разностороннюю судебную практику, определение стандарта доказывания в гражданском процессе так и не появилось в действующей статье 67 «Оценка доказательств» ГПК РФ. Однако с учетом прин-

ципа состязательности в гражданском процессе (статья 12 ГПК РФ) стандарт доказывания может быть сформулирован как «имеющие значение обстоятельства вероятнее доказаны, чем не доказаны за пределами разумных сомнений», известный англосаксонским правовым порядкам как «баланс вероятностей».

Следовательно, клиническая картина неверифицируемого болевого синдрома, включая мимику, состояние кожных покровов, гипертензию и тахикардию, специфические для боли психосоматические угнетения, депрессию, раздражительность и подобные симптомы, не может не влиять на поведение и качество жизни потерпевшего (отсутствие социальных контактов, затворничество, снижение нормы выработки или длительности труда, отмена отпуска или поездки и др.), причем особенно в случаях длительной и интенсивной боли, влекущей за собой присуждения повышенной компенсации.

Таким образом, сторона ответчика и суд не лишены возможности проверить достоверность объяснений потерпевшего, задавая вопросы, уточняющие объективные последствия болевого синдрома (статья 35 ГПК РФ), и оценивая заявления потерпевшего в совокупности с его поведением. При этом отказ или уклонение потерпевшего от ответа на детальные вопросы по аналогии с пунктом 3 статьи 79 ГПК РФ является для суда основанием признать факт недоказанности неверифицируемого болевого синдрома или его длительности и интенсивности.

3. В качестве третьей разновидности физических страданий (помимо физической боли и заболевания) Верховный Суд РФ в пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33 указывает **неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы**. В связи с этим возникает вопрос: какими методами, способами и средствами возможно доказать в суде «испытывание» «неблагоприятных ощущений» и «болезненных симптомов» для определения размера компенсации морального вреда.

Понятия «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» представляются весьма размытыми и неоднозначными для юриспруденции. «Ощущения» человека индивидуальны, они зачастую являются внутренней оценкой и внутренним восприятием внешних факторов воздействия и лежат в той же плоскости, что и чувства. «Ощущения» очень редко поддаются какой-либо внешней оценке. Думается, что в Постановлении Пленума № 33 имеются в виду «неблагоприятные ощущения» и «болез-

¹⁰ О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): Приказ Минздрава России от 18 дек. 2015 г. № 933 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный Кодекс РСФСР: Федер. закон от 30 нояб. 1995 г. № 189-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4696.

ненные симптомы» не в эмоциональной сфере человека, а в его физиологии. При этом если неблагоприятные ощущения являются неболезненными, не выражаются в виде болевого синдрома, возникает вопрос о других проявлениях, в которых они могут выражаться.

Представляется, что помимо боли существует огромный спектр ощущений и симптомов, влияющих на качество жизни человека. Например, кожный зуд, жжение, неприятный запах, тяжесть в грудной клетке, приливы жара, потливость, тошнота, слабость, головокружение, нарушение сна, затруднение глотания и дыхания, резкое повышение или снижение артериального давления, нарушения ритма сердца, использование дренажей и катетеров и т.д. При этом неблагоприятные ощущения могут быть физическими проявлениями заболевания или травмы, мешающими нормальной жизни, т.е. могут рассматриваться и как «болезненные симптомы».

Кроме того, любые используемые при диагностике и лечении медицинские манипуляции и вмешательства в телесную оболочку человека так или иначе доставляют «неблагоприятные ощущения» и (или) «болезненные симптомы». При этом эмоциональное и психологическое восприятие при диагностике и лечении может сильно различаться в зависимости от личности конкретного человека, его пола, возраста, темперамента, опыта и других обстоятельств. Например, многие осмотры или взятие анализов представляются неприятными, однако не требующими обезболивания или отключения сознания. Осмотры при помощи специализированных устройств, вводимых гражданину в телесную оболочку, не нарушают целостность организма и не причиняют травмы, но являются неприятными.

Многие перечисленные субъективно «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» могут быть неотъемлемой частью физического состояния человека, поэтому они могут быть определены медицинским работником в виде наличия в крови маркеров патологических процессов. Тем не менее внутренние субъективные «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» человека не всегда легко поддаются внешней оценке.

Следовательно, можно предположить, что используемые в Постановлении Пленума № 33 формулировки «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы» не раскрывают суть морального вреда в виде физических страданий, а только размыывают юридическое понимание его правовой природы.

В то же время при рассмотрении споров, возникающих по поводу компенсации морального вреда в виде физических страданий, проявляющихся как «неблагоприятные ощущения» и «болезненные симптомы», перед судом неизбежно возникает вопрос проверки объяснений потерпевшего об испытании им таких ощущений и симптомов, а также о степени их интенсивности. Для этого в полной мере возможно применение вышеописанного механизма проверки неverifiedируемого болевого синдрома на основе стандарта доказывания «баланса вероятностей».

4. В качестве еще одного вида физических страданий, помимо заболевания, физической боли, болезненных симптомов, неблагоприятных ощущений, в пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33 отмечается **«ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья»**, которое при этом не ставится Верховным Судом РФ в зависимость от инвалидности, наличие которой доказывается в суде на основании выдаваемого медицинской организацией документа. Кроме того, в анализируемом документе не указывается степень ограничения этой возможности передвигаться вследствие повреждения здоровья.

В связи с этим возникают следующие вопросы, связанные с компенсацией морального вреда: 1) какие доказательства следует использовать при определении факта ограничения возможности передвижения; 2) какая степень ограничения возможности передвижения вследствие повреждения здоровья рассматривается как основание для компенсации морального вреда и для расчета его размера.

Представляется, что ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья является следствием обстоятельств, которые очевидно свидетельствуют о физической невозможности человека передвигаться, но в данном случае следует исходить из презумпции, а для компенсации морального вреда предъявление доказательств не требуется. Перелом костей, требующий длительной фиксации и (или) постельного режима, ожог, заболевания нервной системы, наличие имплантированных медицинских устройств и дренажей могут полностью исключать движение человека. При отсутствии обычной двигательной активности появляется постоянное давление на определенные участки тела, это препятствует нормальному кровотоку в организме человека, что может привести к сдавливанию сосудов, нарушению

питания тканей, отечности, онемению, образованию язв и пролежней, атрофии мышечной ткани, слабости мышц, тугоподвижности суставов, затруднению реабилитации, восстановлению после травм или операций. Ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья может проявляться в виде необходимости посещения медицинского учреждения для регулярного проведения медицинских манипуляций, перевязок, капельниц, лабораторных анализов и т.д.

Во всех перечисленных примерах ограничения возможности передвижения вследствие повреждения здоровья нет необходимости в доказывании факта причинения морального вреда в виде физических страданий и, следовательно, необходимо применять презумпцию их «испытывания». «Ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья» может рассматриваться и просто как причина для появления нравственных страданий, которые являются самостоятельным основанием для предъявления требований о компенсации морального вреда. Здесь тоже уместно говорить о презумпции того, что любой среднестатистический человек испытывает нравственные страдания при ограничении возможности передвижения вследствие повреждения здоровья.

5. В качестве еще одной разновидности страданий, помимо физических, в пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33 указываются **нравственные страдания**. Легального определения «нравственные страдания» не содержится в действующем законодательстве. Верховный Суд РФ понимает под нравственными страданиями «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (**чувства** страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознания своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, **переживания** в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и **другие негативные эмоции**)» (пункт 14 Постановления Пленума ВС РФ № 33).

Такого рода разъяснения Верховного Суда РФ при их лингвистическом анализе дают основания классифицировать нравственные страдания на два вида: 1) чувства; 2) переживания.

В пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ №33 **чувства и переживания вместе представляют собой лишь разновидности негативных эмоций в целом**. Возникает вопрос: какими доказательствами в судебном процессе возможно установление факта «испытывания» человеком любых негативных эмоций, которые субъективно испытывает человек. Или же при рассмотрении споров о компенсации морального вреда возможно использование презумпции «испытывания» гражданином нравственных страданий.

Для оценки негативных чувств и переживаний в психологии и психиатрии также используются разнообразные шкалы и опросники, которые позволяют медицинским работникам не только диагностировать эмоциональное состояние человека, но и отслеживать его изменение в процессе лечения. Например, используется «Шкала депрессии Бека» (BDI), разработанная Аароном Беком, которая включает 21 вопрос о различных аспектах депрессивного состояния (настроение, самооценка и т.д.). Используется также «Шкала тревоги Гамильтона» (HAM-A), состоящая из 14 пунктов и охватывающая соматические, психологические проявления тревожности. Для анализа негативных эмоций применяется также «Опросник (Negative Affect Schedule, PANAS)», состоящий из двух частей, измеряющих уровень негативных и позитивных эмоций. «Шкала стресса» (Perceived Stress Scale, PSS) позволяет определить, насколько человек воспринимает свою жизнь как напряженную и перегруженную. Существует «Шкала самооценки травматического стресса» (PTSD Checklist), позволяющая выявить симптомы, связанные с перенесенным травматическим опытом, проявляющиеся в высокой настороженности и избегании ситуаций, которые напоминают о травме. Перечисленные шкалы и опросники позволяют медицинским работникам выявить негативные чувства и переживания человека, подтвердить или опровергнуть наличие у человека негативных переживаний, а также уточнить их характеристику.

Думается, что, исходя из отсутствия каких-либо внешних признаков нравственных страданий человека, для вывода о наличии (отсутствии) таких страданий, их степени и расчета размера их компенсации свидетельские показания являются недостаточными, и не могут быть положены в основу решения по делу в отсутствие иных доказательств, подтверждающих страдания с большей степенью достоверности.

На то, что легче подлежит доказыванию — наличие физических страданий и размер их ком-

пенсации по сравнению с нравственными — указывает также Ю.Н. Андреев [20].

С учетом психологической причины проявления рассматриваемых страданий, представляется, что их наличие и степень не могут быть подтверждены иначе как в результате психологического исследования. Результаты такого исследования потерпевший может представить в суд в виде заключения специалиста (в том числе и по результатам проведения психофизиологического исследования — полиграфа), который также может быть дополнительно допрошен в судебном заседании. Однако в случае несогласия сторон с выводами специалиста или с учетом мнения суда наиболее убедительным средством доказывания наличия страданий является судебная экспертиза. При этом, учитывая распределение бремени доказывания, именно потерпевший обязан доказать наличие страданий и убедить в этом эксперта и суд, а в отсутствие объективных признаков таких страданий суд исходит из презумпции их отсутствия, пока не доказано иное.

Тем не менее по части дел судебная практика исходит из презумпции факта причинения нравственных страданий. Например, при нарушении личного неимущественного права на изображение причинение нравственных страданий предполагается¹². Или в трудовых спорах, исходя из статьи 237 Трудового кодекса Российской Федерации¹³, в случае нарушения работодателем прав работника, причинение ему нравственных страданий не требует доказывания¹⁴. Суды занимают такую позицию также в силу очевидности факта страданий, например, вследствие смерти в связи с безвозвратной потерей близкого родного человека¹⁵. Однако очевидность факта страданий, как, например, незаконное осуждение, не отменяет обязанность доказать степень морально-нравственных страданий¹⁶.

¹² Апелляционное определение СК по гражданским делам Брянского областного суда от 22 нояб. 2016 г. по делу №33-4748/2016 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/145234753> (дата обращения: 20.09.2024).

¹³ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. I. Ст. 3.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2020 г. № 15-КГ20-2-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 31 октября 2019 по делу № 33-1003/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Решение Кировского районного суда г. Томска Томской области от 27 июня 2022 г. по делу № 2-1528/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Наконец, стоит отметить, что хотя законодатель и выделяет отдельно физические и нравственные страдания, в ходе процесса доказывания морального вреда они тесно переплетаются. С этой точки зрения интересным представляется подход И.В. Виноградовой, согласно которому физические страдания рассматриваются в двух контекстах: 1) физические страдания, повлекшие нравственные; 2) нравственные страдания, выразившиеся в физических и психических расстройствах [21]. С учетом предложенного подхода возможно доказательство факта нравственных страданий через наступившие в связи с ними уже физические страдания, которые, как следует из изложенного ранее, являются более объективно выраженными.

Заключение

Несмотря на то, что в судебной практике в отдельных случаях наличие морального вреда презюмируется, по общему правилу именно на истца возлагается обязанность по доказыванию факта физических или нравственных страданий и их степени.

Осуществленное в Постановлении Пленума ВС РФ № 33 обобщение судебной практики по делам о компенсации морального вреда и толкование связанных с этим норм лишь расширило перечень стоящих перед правоприменителем вопросов, большая часть которых относится к порядку доказывания имеющих значение для рассмотрения требований о компенсации морального вреда. В связи с этим представляется целесообразным применение презумпции факта причинения морального вреда при объективном подтверждении такого основания его возникновения, как болезнь (заболевание) и использование формально не предусмотренного ГПК РФ стандарта доказывания «баланса вероятностей». На основе вышеизложенного видится разумным для целей компенсации морального вреда: во-первых, разграничение и учет верифицируемых и неверифицируемых страданий; во-вторых, проверка объяснений потерпевшего об обстоятельствах «испытывания» им неверифицируемой боли или неверифицируемых страданий. Это может послужить рациональным основанием для принятия решения в удовлетворении или отказе заявленного потерпевшим требования о компенсации морального вреда, факт причинения которого не может быть подтвержден объективно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агарков М.М. Право на имя / М.М. Агарков // Сборник статей по гражданскому и торговому праву : памяти проф. Г.Ф. Шершеневича. — Москва, 2002. — С. 136–162.
2. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран / Е.А. Флейшиц. — Москва : Юриздат НКЮ СССР, 1941. — 207 с.
3. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания : науч.-практ. пособие / А.М. Эрделевский. — Москва : БЕК, 1997. — 188 с.
4. Комиссарова Е.Г. Методология междисциплинарности в семейно-правовых исследованиях / Е.Г. Комиссарова. — DOI 10.33397/2619-0559-2023-5-5-164-191. — EDN FKCTHW // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2023. — № 5. — С. 164–191.
5. Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология) : учебник / Г.А. Гаджиев. — Москва : Норма, 2021. — 256 с.
6. Малеина М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан / М.Н. Малеина. — DOI 10.12737/10721. — EDN TUDWXH // Журнал российского права. — 2015. — № 5. — С. 59–73.
7. Ермолова О.Н. Проблемы теории нематериальных благ / О.Н. Ермолова, А.В. Трофименко. — Москва, 2008. — 288 с. — EDN QSEQTB.
8. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. Комментарий / А.М. Эрделевский. — Москва : БЕК, 2000. — 236 с.
9. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Власов. — Москва, 2000. — 385 с.
10. Компенсация морального вреда: новые подходы в судебной практике / М.А. Егорова, Д.Н. Кархалев, Н.Ю. Челышева, Г.А. Комиссаров. — DOI 10.18572/1812-3929-2023-5-2-9. — EDN CZJHGF // Юрист. — 2023. — № 5. — С. 2–9.
11. Кузнецова Н.В. Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. / Н.В. Кузнецова. — Ижевск, 1999. — 174 с.
12. Коваль В.Н. Причинение вреда в гражданском праве и процессе: проблемы определения и возмещения / В.Н. Коваль. — DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-4-13-35. — EDN YEUBURO // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 13–35.
13. Новоселова М. Компенсация морального вреда в российской судебной практике / М. Новоселова. — EDN OASIFY // Законодательство. — 2020. — № 6. — С. 5–6.
14. Семина Т.В. Медицинское право: судебная практика в России и за рубежом / Т.В. Семина. — Москва : Проспект, 2024. — 408 с. — EDN RQCGBD.
15. Самойлова Ж.В. К вопросу о проблемах компенсации морального вреда потерпевшему от преступления / Ж.В. Самойлова. — EDN MWLMDJ // Всероссийский криминологический журнал. — 2010. — № 4. — С. 89–94.
16. Подходы к устранению послеоперационной боли / В.А. Волчков, А.Я. Бедров, О.Н. Титова [и др.]. — EDN IUFRUJ // Вестник хирургии им. И.И. Грекова. — 2007. — Т. 166, № 3. — С. 99–104.
17. Харченко Ю.А. Адекватная оценка боли — залог ее успешного лечения / Ю.А. Харченко. — EDN RZRHCL // Universum: Медицина и фармакология. — 2014. — Т. 4, № 5. — С. 4.
18. Савва Н.Н. Алгоритмы оценки и лечения боли у детей / Н.Н. Савва. — Москва, 2015. — 92 с.
19. Факторы, влияющие на интенсивность болевого синдрома в раннем послеоперационном периоде после тотальной артропластики коленного сустава / А.В. Сараев, М.Ф. Линдберг, К. Гэй [и др.]. — DOI 10.21823/2311-2905-2017-23-1-45-58. — EDN ZSLOCS // Травматология и ортопедия России. — 2017. — Т. 23, № 1. — С. 45–58.
20. Андреев Ю.Н. Возмещение морального вреда в уголовном судопроизводстве (по материалам обобщения судебной практики) / Ю.Н. Андреев // Российская юстиция. — 2005. — № 10.
21. Виноградова И.В. Вопросы компенсации морального вреда в российском гражданском праве / И.В. Виноградова. — EDN QKMNJB // Отечественная юриспруденция. — 2022. — № 1 (49). — С. 32–35.

REFERENCES

1. Agarkov M.M. Right to name. In *Collection of Articles on Civil and Commercial Law*. Moscow, 2002, pp. 136–162. (In Russian).
2. Fleishchits E.A. *Personal rights in civil law of the USSR and capitalist countries*. Moscow, Yurizdat NKYU SSSR Publ., 1941. 207 p.
3. Ehrdelevskii A.M. *Moral injury and compensation for suffering*. Moscow, BEK Publ., 1997. 188 p.
4. Komissarova E.G. Methodology of Interdisciplinarity in Family Law Research. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy = Methodological Problems of the Civil Law Researches*, 2023, no. 5, pp. 164–191. (In Russian). EDN: FKCTHW. DOI: 10.33397/2619-0559-2023-5-5-164-191.
5. Gadzhiev G.A. *Law and Economics (Methodology)*. Moscow, Norma Publ., 2021. 256 p.
6. Maleina M.N. Set of Criteria for Determining Nonpecuniary Damage Compensation as Remedy for Civil, Family and Labor Rights of Citizens. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2015, no. 5, pp. 59–73. (In Russian). EDN: TUDWXH. DOI: 10.12737/10721.

7. Ermolova O.N., Trofimenko A.V. *Problems of the theory of intangible goods*. Moscow, 2008. 288 p. EDN: QSEQTB.
8. Ehrdelevskii A.M. *Compensation for non-pecuniary damage. Commentary*. Moscow, BEK publ., 2000. 236 p.
9. Vlasov A.A. *Problems of judicial protection of honor, dignity and business reputation*. Doct. Diss. Moscow, 2000. 385 p.
10. Egorova M.A., Karkhalev D.N., Chelysheva N.Yu., Komissarov G.A. Compensation of Moral Damage: New Approaches in the Judicial Practice. *Yurist = Jurist*, 2023, no. 5, pp. 2–9. (In Russian). EDN: CZJHGF. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-5-2-9.
11. Kuznetsova N.V. *Problems of compensation for non-pecuniary damage in criminal proceedings*. Cand. Diss. Izhevsk, 1999. 174 p.
12. Koval V.N. Causing Harm in Civil Law and Procedure: Problems of Definition and Compensation. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 13–35. (In Russian). EDN: YEBURO. DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-4-13-35.
13. Novoselova M. Compensation for non-pecuniary damage in Russian judicial practice. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2020, no. 6, pp. 5–6. (In Russian). EDN: OAI SYF.
14. Semina T.V. *Medical law: judicial practice in Russia and abroad*. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 408 p. EDN: RQCGBD.
15. Samoylova Zh.V. To the Issue of Moral Damage Compensation for the Crime Victim. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2010, no. 4, pp. 89–84. (In Russian). EDN: MWLMDJ.
16. Volchkhov V.A., Mosin I.V., Titova O.N., Shiganov M.Yu., Sednev A.V., Bedrov A.Ya. Approaches to Elimination of Postoperative Pain. *Vestnik khirurgii im. I.I. Grekova = Grekov's Bulletin of Surgery*, 2007, vol. 166, no. 3, pp. 99–104. (In Russian). EDN: IUFRUJ.
17. Kharchenko Yu.A. Adequate Assessment of Pain is the Pledge of Successful Treatment. *Universum: Meditsina i farmakologiya = Universum: Medicine and Pharmacology*, 2014, vol. 4, no. 5, pp. 4. (In Russian). EDN: RZRHCL.
18. Savva N.N. *Algorithms for evaluation and treatment of pain in children*. Moscow, 2015. 92 p.
19. Saraev A.V., Lindberg M.F., Gay C., Rosseland L.A., Lerdal A., Kornilov N.N., Kulyaba T.A. What Influence on Early Postoperative Pain Intensity after Total Knee Arthroplasty? *Travmatologiya i ortopediya Rossii = Traumatology and Orthopedics of Russia*, 2017, vol. 23, no. 1, pp. 45–58. (In Russian). EDN: ZSLOCJ. DOI: 10.21823/2311-2905-2017-23-1-45-58.
20. Andreev Yu.N. Compensation for moral damage in criminal proceedings (based on the materials of the generalization of judicial practice). *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2005, no. 10. (In Russian).
21. Vinogradova I.V. Issues of compensation for moral damage in Russian civil law.. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Russian Jurisprudence*, 2022, no. 1, pp. 32–35. (In Russian). EDN: QKMNJB.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Михайловна Подрабинок — кандидат юридических наук, доцент кафедры интеллектуальных и личных прав. Уральский филиал Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. 620014, Россия, Екатеринбург, ул. Вайнера, 9 а; доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения». Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Россия, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-т Вернадского, 82, стр. 1.

Андрей Алексеевич Павлов — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения». Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Россия, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-т Вернадского, 82, стр. 1; старший преподаватель. АО «Лаборатория Исполком». 123022, Россия, Москва, 2-я Звенигородская ул., 13, стр. 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Podrabinok — Ph.D. in Law, Associate Professor, the Department of Intellectual and Personal Rights. Ural Branch of the Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation. 9 a, Vainera st., Yekaterinburg, 620014, Russia; Associate Professor, the Department of Legal Support of Market Economy, Department of the Higher School of Law. Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. P. 1, 82, Vernadsky av., vet. g. Troparevo-Nikulino municipal district, Moscow, Russia, 119571.

Andrey A. Pavlov — Ph.D. in Law, Associate Professor, the Department of Legal Support of Market Economy, Department of the Higher School of Law. Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. p. 1, 82, Vernadsky av., vet. g. Troparevo-Nikulino municipal district, Moscow, Russia, 119571; Senior Lecturer. AO «Ispolcom Lab». P. 43, 13, 2nd Zvenigorodskaya st., Moscow, Russia, 123022.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised 18.11.2024

Принята к публикации / Accepted 20.12.2024